

Я добавила:

— Но я не хотела быть служанкой, я хотела немного больше свободы. Как ты видишь, я бедна, жалка, беспомощна, но я предпочла бы зарабатывать деньги своим трудом на каком-нибудь заводе Двенадцатого города, а не продавать свою улыбку. Я не умею угождать и не могу говорить приятные слова. Да, я знаю, что в мире есть много возможностей, и, приложив усилия, можно взлететь очень высоко, но это не то, чего я хочу.

— Ты... — брови Цзян Сэня вновь сдвинулись. Спустя долгое время он произнес: — Но сейчас у тебя тоже нет никакого достоинства.

Хватит уже, я говорю — ты слушай, не разоблачай меня.

Меня это чертовски бесило, но я продолжала держаться в образе, лишь горько усмехнувшись.

Цзян Сэнь, очевидно, не хотел продолжать эту тему. Он спросил снова:

— Тогда почему ты, поступив в техникум, снова бросила учебу? На мой взгляд, ты просто любишь легкую жизнь и не желаешь прилагать усилий.

Я спокойно сказала:

— У меня не было денег.

— Насколько мне известно, во всех Центральных двенадцати городах существуют субсидии, — Цзян Сэнь произнес это равнодушно, словно поймав меня на ошибке.

— Ах, молодой господин, — я не сдержалась и рассмеялась, а затем тихо ответила: — Субсидий действительно хватало на обучение, но пока я училась, я не могла зарабатывать деньги.

Я посмотрела на Цзян Сэня:

— Одежда стоит денег, еда стоит денег, учебники стоят денег. На некоторые практические занятия нужно ехать на фабрику, проезд туда стоит денег, участие в мероприятиях требует взносов, средства гигиены...

— Хватит, — Цзян Сэнь перебил меня.

Его самоуверенная, раскованная манера уже исчезла, а тот отстраненный, благородный дух, не ведающий мирских забот, в этот момент, казалось, совсем угас.

Спустя долгое время он нерешительно произнес:

— Прости, я не знал.

Странно: он бил меня несколько раз, но не извинился, а услышав о бедности низшего класса, вдруг почувствовал свою вину.

Но неважно, главное, что игра на чувстве вины сработала.

После этих слов Цзян Сэнь снова продолжил допрос, но, возможно, он все же не мог смириться с мыслью, что моя трагичная история была правдивой, поэтому его следующий вопрос стал еще острее:

— Перед происшествием у тебя был конфликт с бригадиром Олпутом. Мне интересно, почему ваши отношения улучшились? Ты боялась мести и поэтому сама пошла на примирение? Это и есть твое достоинство?

Если бы мы не помирилась, как бы я смогла ему подставить? Но вопрос, что называется, был в самую точку.

Жаль только, что спросил слишком поздно — теперь покойник свидетельствовать не сможет.

— Это он сам пошел на примирение, — на моем лице появилось выражение легкого смятения.

— Он сказал, что был просто импульсивен, но теперь его отстранили от должности, все в цехе к нему плохо относятся, и он надеется, что после примирения он сможет всем показать, что у нас хорошие отношения. Но на самом деле я не хотела примирения, мне не нравится он как человек.

Цзян Сэнь кивнул:

— Продолжай.

Я покорно продолжила:

— Но за время отстранения ему жилось очень трудно, он даже показал мне целую кучу долговых расписок. Он сказал, что содержит свою сестру-инвалида, лечение которой требует больших денег, и рассказал, что у него ужасная семья — оба их родителя страдают игровой зависимостью и даже часто нанимают людей, чтобы избить его и вымогать деньги. Я хорошо помню один случай, когда какие-то люди действительно приходили требовать с него долги.

— Он мне неприятен, но его сестра ни в чем не виновата, да и он сам стал таким не без вины родителей, — я усмехнулась, и в моем голосе прозвучала безнадежность. — Когда я еще

училась в школе Святой Элизы, мой старший брат уже бросил учебу и пошел работать. Он тоже платил за мое обучение, потому что зарплаты родителей не хватало на двоих детей. Когда я сама бросила учебу и приехала сюда, в техникум, вскоре я получила известие о смерти брата — он умер от переутомления. Поэтому я простила Олпуга.

«Старший брат, раз уж ты сейчас нелегал, так что можно считать, что ты и правда умер».

Цзян Сэнь, снова воспользовавшись своими полномочиями, проверил информацию и спросил:

— И после этого вы все время сохраняли дружеские отношения?

— Скорее, поддерживали видимость, — задумчиво ответила я. — На самом деле, чаще он говорил, а я слушала. Если честно, он говорил мне, что планирует кое-что и хотел бы, чтобы я присоединилась к ним, даже предлагала мне быть в числе первых. Я не очень понимала, о чем он говорит, но он постоянно просил дать ему мое гражданское удостоверение и много раз говорил, что членам их организации я очень нравлюсь. Он все время тянул меня за собой, говоря не бояться и идти с ним, даже в ту последнюю встречу, когда нас схватили.

— На самом деле я до самого попадания в тюрьму не знала, чем он занимается, — в моем голосе прозвучала горечь. — Если бы тогда все как следует выяснила и попыталась его отговорить...

Выражение лица Цзян Сэня было спокойным, но по мере того как он слушал мои слова, оно становилось все более странным. В конце концов он спросил:

— А тебе не приходило в голову, что он хотел сделать тебя козлом отпущения? Что хотел, чтобы ты, с твоей репутацией более спокойного человека, просто взяла на себя риски вместо него?

— Не может быть, — я быстро возразила ему. — Хотя у него и скверный характер, я не думаю, что он такой человек. Тот, кто готов безропотно позволять родителям выжимать из себя все соки, не может быть уж совсем плохим человеком.

— Значит, до сих пор ты веришь тому, что он говорил? — Цзян Сэнь коснулся терминала, развернув передо мной данные, и равнодушно произнес: — Информация о членах его семьи. Хочешь, я зачитаю тебе?

Не нужно, я-то конечно знаю, что его сестра работает, чтобы содержать его, потому что у него игровая и наркотическая зависимости.

Их родителям уже за семьдесят, все их пенсионные счета находятся у него, и у него даже есть муж, которого он бьет.

Я изо всех сил постаралась делать вид, что внимательно смотрю на строки данных, а в конце задрожала всем телом и с искаженным от потрясения лицом пробормотала:

— ...Как так, не может быть, он... он же на самом деле... почему... как...

Я сжала кулаки, готовая закричать в небеса и задать им сотню тысяч вопросов, краем глаза заметив, что взгляд Цзян Сэня стал сложным.

— Я ошибся в тебе. Оказывается, ты на самом деле... — Цзян Сэнь приложил пальцы к переносице, вздохнул и добавил: — Мне не следовало так о тебе думать.

Цзян Сэнь продолжил:

— Выходи из машины. Когда все закончится, я все проясню с твоей фабрикой.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — я притворилась, что не замечаю его извиняющегося тона, и серьезно сказала: — Спасибо, что позволил мне увидеть, каков на самом деле Олпут, но я не хочу принимать твою жалость, потому что твое отношение к Аллену вызывает у меня глубокое отвращение. Если я приму такую жалость, мое достоинство превратится в нечто, что можно оценить деньгами. Но...

— Ты мог бы относиться к Аллену лучше. Он тебя любит, и ты, возможно, тоже любишь его. — Я усмехнулась и добавила: — А что касается моей работы... считай это наказанием за то, что я по неосторожности создала между вами недопонимание. У меня есть руки и ноги, я смогу найти новую работу.

Цзян Сэнь застыл, долго и пристально глядя на меня. Его темные зрачки будто полыхали темным пламенем:

— Ты как... Ладно, ты думаешь, что это в тебе говорит великодушие и свободомыслие? Очевидно, есть выбор, выгодный и тебе, и мне, зачем так упрямо играть роль такого доброго человека, а? Если бы я тогда не догадался обо всем, ты бы сейчас была мертва, понимаешь? Или вы, такие...

Он замолчал, поскольку те насмешки над низшим классом, которые могли бы сорваться с языка, теперь как будто застряли в его горле.

Я открыла дверь, вышла из машины, посмотрела на него и сказала:

— Мой отец говорил мне быть честным человеком, говорил, что добрых людей ждет хорошая судьба.

Если что, в ту ночь, после этих его слов, мы с братом научились лгать.

Цзян Сэнь промолчал, но выражение его лица становилось все мрачнее.

Я снова заговорила:

— Можешь протянуть руку?

Цзян Сэнь посмотрел на меня с удивлением, но все же протянул руку.

Я взяла его руку, положила на ладонь сапфировую запонку и сказала:

— Ты обронил ее, когда бил меня, я подобрала. Она выглядит дорогой, не потеряй.

С этими словами я развернулась и пошла прочь. Как только я отсчитала про себя: раз, два, три — то услышала позади звук открывающейся двери.

Не прошло и нескольких секунд, как Цзян Сэнь догнал меня и схватил за руку. Он слегка стиснул зубы, опустил свою «дорогую» голову и произнес:

— Прости, я... думал, что ты одна из тех, кто из кожи вон лезет, чтобы прислуживаться к сильным мира сего, у кого нет никакого достоинства.

Ага, конечно, я именно такая, иначе как бы твоя драгоценная запонка оказалась у меня?

<http://bllate.org/book/13204/1177397>